

ственно именовал Швейцарию «землей свободы и счастья». ¹⁶ В параллель с известным эпизодом в «Исповеди» Руссо — «En entrant sur le territoire de Berne, je fis arrêter; je descendis, je me prosternai, j'embrassai, je baisai la terre, et m'écriai dans mon transport: Ciel! protecteur de la vertu, je te loue, je touche une terre de liberté!», ¹⁷ — Карамзин писал: «Отъехав от Базеля версты две, я выскочил из кареты, упал на цветущий берег зеленого Рейна, и в восторге целовал землю». ¹⁸

Пребывание в Швейцарии представлялось Карамзину возвратом к золотому веку человечества, поэтому швейцарских крестьян и пастухов он склонен был воспринимать идиллически. Аккуратность, с которой крестьянин вымыл кружку, подавая автору напиток, способна была вызвать у него бурный взрыв эмоций: «Для чего не родились мы в те времена, когда все люди были пастухами и братьями! Я с радостью отказался бы от многих удобностей жизни (которыми обязаны мы просвещению дней наших), чтобы возвратиться в первобытное состояние человека. Всеми истинными удовольствиями — теми, в которых участвует сердце и которые нас подлинно счастливыми делают, — наслаждались люди и тогда, и еще более, нежели ныне. . .». ¹⁹ Все, что наблюдал Карамзин в сельской Швейцарии, он неизменно пытался свести к формуле: простая, естественная жизнь равняется добродетели и счастью. Разделив трапезу с молодыми пастухами, он вспоминал: «Я говорил им, что простая и беспечная жизнь их мне весьма нравится и что я хочу остаться у них и вместе с ними доить коров»; ²⁰ описывая крестьянскую свадьбу в тонах геснеровой идиллии, он восклицал: «Как нежно чувство в альпийских пастушках! как хорошо понимают они простой язык сердца!». ²¹

В свете этого восторженного преклонения перед Швейцарией карамзинский перевод «Деревянной ноги» представляется вполне логичным. Он важен не только как свидетельство идейной близости обоих авторов, но и как проба переводческих и стилистических возможностей Карамзина. Нельзя сказать, чтобы Карамзин блеснул здесь талантом переводчика: русский текст, хотя в целом он точно воспроизводит оригинал, лишен простоты и гармоничности последнего. Так, неприятзательные слова ста-

¹⁶ Московский журнал, 1791, ч. IV, стр. 65.

¹⁷ Jean-Jacques Rousseau. Les Confessions. Paris, 1964, p. 692.

¹⁸ Московский журнал, 1791, ч. IV, стр. 168.

¹⁹ Там же, 1792, ч. V, стр. 350.

²⁰ Там же, стр. 45.

²¹ Там же, стр. 357—358.